
Сергей Хромов
Право на Знания
Книга первая. 1815 год

Сергей Хромов

Право на знания

«Автор»
2026

Хромов С.

Право на знания / С. Хромов — «Автор», 2026

Ещё вчера Алексей проверял школьные тетради. Теперь на дворе 1815 год, и он в теле помещика Арсения Оболенского. В амбаре семнадцатилетнего Федота собираются высечь за пропажу ржи. Алексей просит принести счётную книгу.На первых уроках крестьянка Дарья учится разбирать цифры и замечает, что возчик недодал ей полрубля из денег, присланных мужем. Он возвращает деньги, и к вечеру об этом уже говорят у мельницы. Когда Алексей и Варвара Ланская открывают школу, соседние помещики прикидывают, кто ещё научится проверять их счета.Городничий Ржевский ищет повод закрыть школу. В Липовецке судачат, что уроки для Варвары — предлог видеться с Оболенским. А в соседнем имении уже объявили, что каждому, кто придёт на урок, запишут прогул.

© Хромов С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Чужое тело 6
Пробуждение 7
Господин Оболенский 10
Человек с дурной славой 13
Первое испытание 15
Чужая репутация 17
Новые правила 19
Первые уроки 21
Странное распоряжение 22
Первые ученики 25
Не всё получается 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Сергей Хромов
Право на знания

Сергей Хромов
Право на знания
Книга первая. 1815 год
Часть первая

Чужое тело

Глава 1

Пробуждение

Кто-то стоял у кровати и ждал, пока он откроет глаза. Алексей понял это по тому, как оборвалось шуршание у изголовья. Тишина держалась, пока он лежал неподвижно. Когда он пошевелил рукой, человек придвинулся.

— Воды вам, Арсений Петрович?

У человека были усы с проседью и жилет с потёртой каймой вокруг кармана. Алексей хотел спросить, где его телефон. Пошевелил языком, почувствовал на губах что-то горькое.

— Дайте воды.

Поднести стакан к губам получилось с третьей попытки. Правая рука слушалась, но он никак не мог прикинуть вес стакана. Пальцы сжимали стекло так, будто старались удержать большую кружку. Человек придержал ножку двумя пальцами и сразу отпустил, как только Алексей открыл глаза.

Только тогда он заметил кровать. Над ним на кольцах висела тяжёлая штора. Там, где её отодвинули, был виден потолок с бурым следом от трубы. В окне четыре узких стекла. В нижнем стекле такой пузырь, что за ним весь двор ходил волной, стоило повернуть голову.

— Это больница?

Человек у кровати нахмурился.

— У себя дома вы. За лекарем второй раз посылать?

Последнее, что Алексей помнил, было окно учительской. На подоконнике лежали три тетради, распухшие от мокрого снега. В восьмом «Б» по очереди учили детей отключать уведомления на уроке, а Влад на полях написал, что у него телефон всё равно отобрали до понедельника. Алексей поставил возле записи маленький вопросительный знак. Дальше ему пришлось бы объяснить, почему знак маленький. Объяснять он тогда не стал. Закрыл тетрадь, накинул куртку и спустился во двор.

Куда пошёл со двора, память не отдавала. Он снова попытался подняться. Под лопаткой потянуло, и весь потолок прошёл перед ним боком.

— Лежите, — сказал человек и отступил.

Алексей привык, что, когда придерживают падающего, сначала его ловят. Этот потянулся к нему и тут же отнял руку. На лице у него стояло то внимательное выражение, с которым дети ждут, заметил ли взрослый разбитое окно.

— Как к вам обращаться?

— Матвей.

Матвей, отвечая, взглянул ему на лоб. Алексей ощупал над бровью узкую полосу полотна.

— Что со мной случилось?

— Конь у мельницы оступился. Вы в воду упали. Антип вытащил. Доктор велел слушать, не станете ли забывать.

— Вот и слушайте, — сказал Алексей. — Я пока мало что помню. Вас помню с этой минуты.

Матвей подождал, видимо, решая, шутят с ним или уже заговариваются. Потом открыл верхний ящик стола, достал полотенце и положил на край. Алексей вытер губы. На полотне проступило рыжее пятно. Хотелось спросить ещё раз про телефон. Он уже понимал, что получит в ответ взгляд на повязку.

Из коридора послышались торопливые шаги. За дверью чей-то молодой голос произнёс:

— Он очнулся?

Матвей вышел в коридор.

— Сказано ждать. Воды ещё поставь.

Шаги удалились. Алексей остался один на несколько мгновений. Под шторой у кровати блестел медный наконечник, на спинке стула лежал длинный халат. Он стал искать удобную ему вещь, признаваемую без усилий. Нашёл стол, чашку, сапоги. Только кожа на сапогах была такая толстая, что их не натянешь стоя. У чашки ободок неровный. В простом студенческом квесте поставили бы старую чашку, а окно выдало бы строителей. Здесь стекло даже в пустой створке было своё, с синим краем и мелкими лунками.

Он спустил ноги на пол и встал, вцепившись в спинку кровати. Дошёл до столика по ковру. Около окна висело небольшое зеркало. На его руках Алексей увидел следы, как от давних царапин. На левой кисти короткий выпуклый шрам. Его собственный шрам от падения с велосипеда был гораздо выше, возле локтя. Он знал это, пока шёл к зеркалу, и всё-таки на мгновение успел подумать, что отражение покажет его лицо.

Человек в зеркале был моложе лет на шесть. Густые брови, узкие губы, короткие волосы у висков. Повязка уходила низко на правую сторону. Алексей пальцем приподнял край, и отражение сделало то же. Пальцы на этом совершенно чужом лице грели кожу, как всегда.

Матвей вернулся с кувшином.

— Вели бы мне подойти.

— Календарь есть?

— Месяцослов в гостиной. Здесь нет.

— Принесите. И бумагу с датой. Любую, только с датой.

Он сел у стола, пока Матвей ходил. Голову кружило так, что окно сместилось к стене. Из двора тем временем донеслось рычание, потом смех. Ребёнка прогнали от конюшен. Плеснула вода в деревянном корыте. Кто-то снаружи притянул ставню верёвкой. Если бы там могли в любое время хлопнуть дверцей машины, можно было бы подождать. Не хлопнули.

Матвей положил перед ним тонкую книжку и записку от лекаря. У книжки имелся разлохмаченный уголок, его кто-то часто листал, и в середине счёркнут карандашом чей-то день рождения. На лицевой странице стояло 1815. На бумаге проставлено шестнадцатое апреля. Слово «четверть» лекарь выправил сверху, видно, что перо заело в волокне.

— Это нынче шестнадцатое?

— Вчера он писал. Нынче семнадцатое.

— Год тот, что в книжке?

Матвей промолчал. Алексей сам понял, как прозвучало, и закрыл месяцослов.

— Где находится дом?

— В Ключах. От Липовецка по большой дороге шесть вёрст. За мельницей покороче, сейчас там грязь.

Липовецка он не знал. Мог представить, что город потом переименовали, поглотили или разобрали на станицы. О том, чем жила губерния в 1815 году, Алексей знал куда меньше, чем ему сейчас хотелось. В учебном плане хватало названия конгресса и трёх столиц. Здесь надо было понять сперва, кто через минуту постучит и чего от него хочет.

— Записка ещё была, — сказал Матвей. — Вы велели управляющему ждать к утру.

— Я когда это велел?

— Вчера, перед мельницей. Вам теперь до вечера можно полежать. Иван Силин из амбара уже приходил. Скажу, перенесли.

На бумаге второй строки было не разобрать, но Алексей узнал слово «двенадцать». Спросил, о чём речь. Матвей осторожно повернул лист к свету.

— Это лекарь велел вам по двенадцати капель. У Ивана своё дело. По пропаже, что в амбаре, человеку надо ответ держать.

За дверью снова переступили с ноги на ногу. Алексей подумал, что это тот, кто спрашивал, очнулся ли он. Если позвать внутрь, наверное, станет ещё труднее разбираться. Если отослать, человек попадёт к тому, кто уже знает, как здесь полагается отвечать за пропажу.

— Управляющему скажите, что сам его выслушаю. И больше сегодня никого из-за этого дела не трогать.

Матвей поклонился. На выходе он обогнул стул, в котором ещё лежал халат, незаметно подобрал его со спинки и повесил на крюк. Язык у него работал коротко, руки успевали за всех. Алексей следил за ним, пока дверь не затворилась. Потом взял лекарскую записку с датой и поднёс её близко к глазам. Чернила лежали в бумаге чуть темнее там, где человек остановил перо. В комнате стало тихо. Алексей должен был что-то сделать с этим утром, и ни один человек с той стороны двери не знал, что просит решения у незнакомого ему учителя.

Глава 2

Господин Оболенский

Иван Силин явился без книг. Ботинки уже вытерли в сенях, но к шву прилипло сухое семечко. Он прошёл до края ковра и остановился, прежде чем туда ступить. Из кармана вынул сложенный лист.

— За Федота желаете сами спросить?

Алексей вспомнил слова Матвея про амбар. Имени тот не назвал.

— Желал бы прежде узнать, кто такой Федот.

Управляющий посмотрел на него, будто решал, насколько подробно отвечать. За его плечом стояла приоткрытая дверь. Матвей успел уйти, на ручке осталась узкая полоса света.

— Селиванов, семнадцатый год. С матерью в Ключах. Он третий день, как у амбара на подхвате. Посмотрю ещё раз, прежде чем вам сказать.

Он положил лист у чернильницы, повернув его подписью к Алексею. Бумага была короткая. Господин Арсений Петров сын Оболенский велел списать двадцать пять четвертей ржи на семенной запас. Число стояло две недели назад. Подпись с большой «О», слева чернила заплыли на сгиб. Алексей подвигал лист, будто петля подписи могла надоумить, куда вести перо. Имя было то самое, которым Матвей называл его с утра.

— Садитесь. Мне после падения сказали держать голову в покое, а вы хотите, чтобы я по памяти всё это выслушал.

Силин снял перчатки, сел на стул для посетителя. Вблизи у него было видно маленькое гладкое пятно на подбородке, где седые волосы больше не росли. Он часто трогал это пятно указательным пальцем.

— По порядку, пожалуйста. Поместье целиком моё?

— Ключи, Мшанка, Горелова Речка. Земля по большому оврагу до дороги. За дорогой луга спорные. Дом в Липовецке продали три зимы назад. Мельница в доле с Ланскими. Ваш отец начинал её ставить вместе с их покойным Николаем Павловичем.

Довольно странный способ знакомиться с самими собой. У тебя будто бы есть отец, деревни и спорный луг, а вечером кто-нибудь ещё спросит, в каком углу ты вчера спрятал деньги. Алексей подвинул к себе пустой лист.

— Какие луга?

Силин нарисовал карандашом дорогу и реку. Карандаш вынимал из узкого кармана вместе с обломанной щепкой и первое время держал на весу. Земля Оболенских обрывалась у плотины. Ниже, за низким берегом, начинался мокрый луг, на котором Ланские косили, сколько помнит их старый приказчик. Прежним летом Арсений распорядился поднять воду для мельницы, сена недосчитались. До сих пор спорили, давала ли тётка Ланская своё согласие. Был ещё лист о починке моста. Силин не знал, у кого лежит. Плотникам часть уплатили, а оставшийся расход по старому приказу уже второй месяц не хотел принимать ни один двор.

— Вы велели сперва с них требовать.

— Велел. А если листа не найти?

— Вдове и так трудно спорить с вами. Она на прошлой неделе предлагала привезти свидетеля.

Сказал так ровно, будто ему всё равно, кого первым позовут домой у моста. Алексей ещё раз посмотрел на линию реки. Кто-то здесь распорядился чужим сеном, потом почти утопил и собственное тело. У тела теперь был он.

— Оставьте это мне на столе. Я хочу видеть хозяйственную книгу и что у нас осталось к севу.

— Целиком книгу?

— Если её можно поднять.

Силин впервые приподнял угол рта.

— Вы её ни разу до кухни не доносили. Я сам принесу.

С уходом управляющего в комнату вошёл тот же молодой голос, который шептал за дверью. Девушка с закатанными рукавами принесла кашу, от чашки пахло молоком и дымом. Поставила возле стола, наклонилась поднять щепку, выпавшую у Силина из кармана. Алексей спросил, как её зовут. Она ответила «Анисья» так тихо, что он переспросил. Девушка покраснела.

— Вот как, — сказал Алексей. — А я думал, жар прошёл и слух с ним вернулся. Простите, придётся повторять.

Она сохранила серьёзное лицо до самой двери. Потом Алексей услышал короткий смешок. В доме, оказывается, можно было и так реагировать на его слова. Он поднёс ложку ко рту и обжёгся. Эта часть жизни вернулась без объяснений.

После завтрака Матвей помог одеться. Рубаха затягивалась у шеи непривычно. В тёмном сюртуке Алексей выглядел почти стройным, хотя всегда сутулился. Он попробовал сунуть кисть в карман и нащупал перчатку из кожи тоньше школьной тетради. На пальце под перчаткой мешал перстень. Печатка толкнулась о край стола. Матвей поправил её так, чтобы знак смотрел наружу.

— В какой комнате обычно бумаги от людей принимаю?

— В кабинете. Обед с кем велите?

Он так легко сказал «обычно», что Алексей по инерции чуть не выбрал, с кем будет видеться в день, о котором он ничего не знает.

— Пока один.

Кабинет оказался холоднее спальни. Две закладки в книгах отгибали страницы по-разному: в одной лежала сложенная полоска письма, в другой белая тряпочка. На нижней полке Алексей нашёл бумаги на своё имя. Оболенскому исполнилось тридцать два зимой. В старой записке его отец уговаривал поехать к соседям и требовать своё при свидетелях. Снаружи фамилия написана аккуратным ровным почерком. В другом листе почерк повторялся, но там отец просил скинуться на починку плотины. Похоже, семья знала, о чём люди будут спорить, задолго до его падения.

На подоконнике лежали два ключа. Один старый, с длинной бородкой. Алексей попробовал вспомнить, какой замок им открывается. На мгновение перед ним возникла тёмная ступень и мокрая подошва внизу. Ещё показалось, что кто-то на той ступени ждёт. Когда он глянул на ключ снова, перед глазами было только окно. Может, обломок сна. Может, тело запомнило лестницу. Доверять ему вместо людей он не собирался.

По двору шёл мужик в кожаном переднике. Нес доску на плече, остановился у корыта, убрал с дороги ребёнка. Матвей сказал, это Антип Волков, плотник. Вчера у мельницы порезал ладонь о вороток. Алексей предложил позвать и спросить, как он себя чувствует. Матвей уже открыл дверь, потом задержался.

— Велеть ему бросить доску?

— Если работа срочная, пусть зайдёт после.

Матвей наклонил голову и вышел. На ты так разговаривать ещё вчера Алексей мог с любым знакомым, которому надо унести доску. Здесь ему понадобилась целая фраза, чтобы знакомого отпустили решать самому. Он взял карандаш Силина и написал на отдельном листе три имени. Рядом с «Федот» оставил место, чтобы вписать, что тот скажет.

Управляющий принёс книгу через час. Держал её не под мышкой, как несут что-то для виду, а обеими руками снизу. Алексей помог положить. Книга пахла пылью и кожей, словно стояла рядом с упряжью.

— Вы и вправду велели Федота до утра оставить? — спросил Силин.

— Велел, чтобы сегодня его никто не трогал. Утром разберёмся при нём.

Силин открыл книгу на первой заложенной странице. Там стояла подпись Арсения Оболенского. Она приказывала старосте разыскать виновного и сделать так, чтобы остальные помнили. Без числа и без имени. Алексей положил свой лист рядом с этой записью и всё-таки дождался, пока управляющий объяснит, по какой причине в амбаре не сходится рожь.

Глава 3

Человек с дурной славой

У управительской первым встал человек с мокрой шапкой, за ним двое у стены. Один даже не успел доесть хлеб. Сунул остаток за пазуху. Алексей кивнул обоим и спросил, кто из них староста. Из-за подводы вышел плотный мужик с седым усом. Снял шапку, держал ровно перед собой, простой покрой сразу стал виден изнутри.

— Ефим Рябов, барин.

— Покажите амбар.

Ефим оглянулся на Силина, потом пошёл первым. Алексей уже успел услышать, что дворовые на виду могут свободно пройти с ведром от кухни до конюшни. Почему-то по этой свободе они прокладывали путь вокруг него. Пока он шёл с Матвеем до ворот, видел, как женщина с пучком мокрого лука завернула раньше обычного и, только когда они миновали угол, снова вышла на дорожку. В школе ему случалось поймать, как ученики прячутся от строгого коллеги. Те хотя бы смотрели друг на друга и улыбались. Здесь никто над чужим страхом не шутил.

Амбар стоял на каменных подставках. Ефим подвёл его с той стороны, где суше, показал скобу и два гвоздя на дверном косяке. Перед дверью стоял ворох утоптанной мякины. Срез снеговой воды шёл пониже. Кто-то подложил доску, чтобы ступня не вязла. Ефим отпер замок и остался снаружи. Запах ржи и старой мешковины держался даже на ветру.

— В этой половине семенная, — сказал Силин. — Наличными двадцать три четверти. Должно быть двадцать пять.

По общему счёту Федота послали помогать, когда отодвинули перегородку. Он сидел у двери, видел, где ключ. Ночью у него нашли в рубахе горсть ржи. Точно ли ночью, Силин передать не мог. В его показаниях было «к темноте». Ефим сказал, рубаха обнаружилась утром возле кузницы, её туда отнесла мать Федота сама.

— И две четверти он в эту рубаху уместил? — спросил Алексей.

Силин ответил, что можно было выносить и по горсти, а целый мешок пока никому на глаза не попадался. Алексей не стал смеяться. Ему прежде случалось при всех усомниться в объяснении ребёнка, а потом целый класс смотрел на лицо учителя, как будто размер его улыбки должен был определить степень вины. Здесь от её размера, видимо, ждали чего-то похуже.

На стойке висели две деревянные бирки. У одной резкий широкий надрез, у второй три узких. Силин перевернул их зарубками вниз. При приёмке, объяснил он, один отрез кладут на мешок, другой носят к счёту. На мешках, которые свалены у стены, знаки не от нынешней кладки. К воротам крайние подвезли вчера, поставить можно было только туда. Одна нога у него застряла в щели до ступени. Ефим подал руку. Силин принял её без слова. Алексей отметил, что между собой эти двое умеют обойтись без разрешений.

— Откуда вчера везли?

— Из малого запаса. Точная отписка у вас вчера в кабинете лежала.

— Руки было кому считать?

— Антип колесо правил. Сам считал, чтобы с пустым не вышли в темноте.

Антип сидел у кузни, стягивал тряпку вокруг ладони зубами. Пока услышал шаги, успел опустить руку за колено. Рыжая полоска ткани вылезла между пальцами. Алексей присел прямо на бревно, к которому Антип привалил доску. Мимо шёл человек с ободом от колеса, и первый сразу встал.

— Останьтесь. Спасибо, что вытащили у мельницы.

Антип ходом бровей чуть выдал, что услышал. Потом сказал:

— Лошадь живая, ежели спрашивать будете. Из воды я её сам на спуске придержал. Телега пожилая, на кочке опять просядет.

— Я про себя сказал. Вам ладонь давно перевязывали?

Антип протянул руку. Сделал это так, как предъявляют инструмент, если спрашивают, почему плохо работает. Тряпка была серой по краям, на середине свежее сухое пятно. Алексей достал из кармана сложенное полотенце, не тронул рану, разорвал полоску по кромке. Обошёлся привычкой с аптечки при спортзале: чистая повязка, если глубоко, искать того, кто умеет. Антип разглядывал работу. Собственная служебная гордость, видно, не позволяла ему ни на слово подсказать чужому человеку, где держать конец.

— Так можно. Когда колёс у вас ещё много?

— На трёх ходу правые. К мосту к воскресенью надо, если велено.

У двери дома рядом стоял рассохшийся порог. Мальчик лет десяти держал ногой щепку, пытался выколотить её из-под петли. Антип произнёс «Митя» и чуть отвёл подбородок. Мальчик подошёл. Алексей увидел в его руке припрятанный обломок белого камня. К камню прилип чёрный волос от конского хвоста.

— Пишешь им?

— Рисую.

— Что?

Митя раздумывал. Показал на заднюю доску у навеса. На ней шли две дуги и что-то вроде уха. Из нижнего квадрата торчал хвост. Оказалось, у кузнеца котёнок трёхцветный, а краску взять негде. Алексей рассмеялся, когда ребёнок совершенно серьёзно поправил, что котёнок от этого не страдает. Митя рассмеялся тоже. Антип слышал обоих, опустил глаза на белую повязку.

— Вы ко мне теперь за счётом? — сказал он.

— За ним. Что в телеге везли?

Антип назвал, чего и сколько, потом пошёл к ободу, на котором зарубки сделал зря, так как телега оказалась одна. По пути к сараю он ещё рассказал, что весной отцовский приказчик сажал девчонку на подводу к повитухе, а нынешний хозяин велел её снять, потому что кузнец подбил не ту ось. Тогда из села пошли пешком. По его голосу Алексей не знал, от кого надо было ждать оправдания. Не спросил, чем кончилось. Только кивнул, когда Антип сказал, что колёса спорить не могут, их потом каждый раз виноватыми и делают.

У края сарая стояла Анисья. Она принесла ему от Матвея шаль, в доме решили, у него к вечеру снова закружится голова. Алексей взял шаль. Спросил, где нынче Федот. Девушка оглянулась, увидела Силина за двором.

— У своего дяди. Если его нынче искать, дядя скажет, что на работу ушёл. Он так в прошлый раз делал.

— В прошлый раз кто его искал?

Она осеклась. Видимо, у её маленького рассказа уже стояло слишком многое на кону. Алексей не стал ждать ответа. Попросил передать через Матвея, чтобы Федота утром позвали разговором, одного. И дядю, если придёт. Анисья взяла шаль, которую он успел снова снять, и повела его к дому через более сухой проезд. Ни на одном шагу она не опережала его больше чем на полплеча.

К вечеру в кабинете стемнело. Глаз привыкал к одному огню, страницы сходились на нём неровно. Вчерашний хозяин распорядился «виновного наказать» ещё до того, как посмотрел на расход за день. Алексей нашёл дату у приказа и место, где она пришлась в книге. Послал Матвея за Иваном. Пока ждал, услышал под окном чей-то торопливый шаг. Один. Следом едва слышно звякнула дверь, придержанная, чтобы не хлопнула. Он понял, что люди здесь уже успели договориться между собой о своём утре. Теперь им придётся поверить человеку, от которого всю дорогу учились прятать следы.

Глава 4

Первое испытание

Утром Алексей вошёл в амбар и нашёл Федота на узкой скамье возле стены. Ноги у парня были в грязи, сухая рубаха спереди натянута, как на человеке, который старается дышать неглубоко. Дядя стоял в проёме с шапкой в руке. Ефим Рябов уже приготовил на лавке книгу и верёвку. Верёвка лежала отдельным кольцом. Где у них носили её в обычное время, узнать можно было позднее.

— Федот, встань и подойди к столу.

Мальчишка встал сразу. Подождал, опустив руки. Алексей подошёл к скамье и сам убрал верёвку на гвоздь у двери.

— Зачем его сюда сажали?

— Так водится, — ответил Ефим. — Пусть ждёт, пока хозяин придёт.

— С сегодняшнего дня ждать будут на крыльце. Сейчас выслушаем, что было у ворот.

Дядя зацепился сапогом за сложенные у двери доски и подвинул их, чтобы проход остался свободен. Он, пожалуй, рассчитывал выхватить парня, пока смотрят на верёвку. Теперь подошёл ближе, но так, чтобы никто не принял его за помощника хозяина.

Силин принёс платок с рожью и положил рядом. Зерно темнело там, где его придавили. Алексей попросил показать рубаху. Её Федотова мать постирала ещё вчера, в кармане на боку нашла горсть и показала Ефиму. Откуда сын взял, ответить не смогла. Ефим тогда же велел принести зёрна к амбару. Сходили, сверили с запасом. К таким мелочам он знал, надо присматриваться, пока хозяину не доложили, что из хозяйства ушли две четверти.

— Ты с телеги брал? — спросил Алексей.

Федот кивнул.

— С какой?

— С последней. Когда ссыпали, Иван Иванович велел задок обмести, а у колеса лежала ещё плетёнка. Я зерно из-под плетёнки выгрёб и в карман. Думал, иначе сперва по земле растопчут.

Силин поднял голову.

— Обмести в амбар я сказал.

— Сверху в амбар и ссыпал. За колесом уже выгребли, я по одной горсти. Я дурно сделал.

Алексей посмотрел на платок. Некоторое количество зерна Федот вправду себе забрал. Ему теперь очень хотелось согласиться с любой названной виной, если дальше дело начнёт идти знакомым порядком. Алексею, которому проще было бы сделать его невинной жертвой, пришлось тоже отказаться от удобной для себя версии.

— И что ты хотел с этой горстью сделать?

— Братéц шелуху жевал. Я отдал бы матери, чтоб малость каши к вечеру. Она сказала, у себя зерна нет. За то и постирала рубаху пораньше, думала, пойду сразу в кузню.

Дядя заговорил, что каша вчера в доме всё-таки была. Чего именно от этих слов он ждёт, Алексей понял через секунду. Человек надеялся показать, что они не голодают, потому и воровать им незачем. За столом теперь каждому хотелось что-то доказать в упрёк другому.

— Выложите пока, что у нас по счёту, — попросил он Силина.

Управляющий раскрыл книгу. Из запаса к посеву велено доставить двадцать пять четвертей, привезли двадцать три. На листе, с которым водили телегу, намечено двадцать пять. У последнего числа видно, что написано до поездки, за ним гвоздём сделана дырка, чтобы связать со второй частью. Из мешков могла уйти горсть, могло уйти больше, но по двадцати трём отписались приёмщики. Антип вчера показывал, что последний воз он ровнял по зарубкам на одной доске, с ним приехало меньше, чем до этого отметили на весь сбор. Пускай его позовут ещё раз, сам подтвердит.

Антип пришёл с сыном, мальчик нёс ушат и сразу пошёл назад. Плотник подтвердил, что два места под мешки в телеге были пустые, ещё спросил, где искать остальное. Федот сказал, второго воза он не видел. Ефим положил обе ладони на стол, подался вперёд.

— До полудня с мельницы шумели, — сказал он. — Матвей приезжал с господского двора за вами. Я человека в Мшанку послал узнать, не приняли ли в маленький амбар. Сперва нам велено было сюда, потом не при мне ещё распоряжались. Запас один, ключей два.

Силин с ним согласился. Ему вспомнилось, что прошлый приказ зачитали накануне, а кто на другой день выдавал обходной лист, выяснится у дверей старой конторы. В Мшанке сперва попробуют спросить человека у мельницы. Алексей такого согласия не ожидал. Ждал, видимо, что кто-то станет защищать обвинение до конца только потому, что при нём уже успели приготовить верёвку. Они, казалось, сами обрадовались, когда можно было пойти проверять.

— Горсть Федот взял с земли, — сказал Алексей. — Он сам сказал. Зерно принадлежало амбару, так что в другой раз сперва спросит, как обойтись с остатком. Про две четверти будем знать после ответа из Мшанки. До этого при нём больше никто про пропажу не говорит.

Дядя подхватил шапку. Лицо у него вдруг изменилось. Он понял, что за горсть тоже обошлось, и начал отрывисто благодарить. Алексей попросил подождать. Федот стоял на той же точке у стола, вытянув левую руку вдоль тела.

— Когда вы возы принимаете, человек у задка должен слышать, сколько записали, — сказал Алексей Ефиму. — После выверки едут дальше. К утру ответ Ивана принесите мне с тем, кто посылал вторую телегу. Памяти моей пока лучше не поручать.

На улице его догнал Федот. Спросил, надо ли снимать рубаху, когда мать ещё раз её принесёт. Алексей в первую секунду решил, что парень опять про стирку, потом понял. Сказал, что рубаха ему нужна сухая, чтобы завтра выйти, и спросил, сам ли он умеет считать мешки. Федот сказал, умеет, до четырёх быстрее письма. Писать не может. Алексей пообещал показать ему счёт, если тот захочет сам. Федот уходил мимо угла кухни, там его ждал дядя. Тот сначала потянул его за рукав, потом подхватил за плечо привычным тёплым движением, и они ушли бок о бок.

У переулка Матвей собрался что-то сказать. Алексей ждал. От двери амбара несли убранную скамью, надо было устроить её в другой стороне, поближе к свету. Матвей дождался, когда они пройдут с двух концов.

— Вас вчера Антип из воды вынул, — сказал он. — А нынче Федьку так просто отпустили. Народ теперь будет смотреть, на сколько дней этого хватит.

Алексей сошёл с дорожки к прошлогодней траве. Такой вопрос можно было задать себе самому каждое утро. Удобно сперва отдать обещание, потом свыкнуться с тем, сколько хлопот оно подвергло бы человека при большом хозяйстве. Под пальцами осыпался старый плоский шляпочный гвоздь, его ещё можно было согнуть если сильно надавить. Алексей поднял голову. Силин шёл от амбара к старой конторе. У него были свои люди, свой счёт и ещё две четверти, которые он хотел найти прежде, чем вернуться в дом.

— Завтра пусть Федот тоже услышит, где были мешки, — сказал Алексей.

Матвей кивнул и пошёл вниз к воротам. У кузницы уже звенел молоток. За дверью скамья скребла по дереву. Утреннее распоряжение успели принять как редкость. Теперь его надо было обращать в обычай.

Глава 5

Чужая репутация

Второй день после амбарного дела начался с того, что к Алексею явилась мать Федота. Она принесла чистую рубаху в охапке, поставила у двери огромные валенки и вела разговор в одних чулках. У её сына всё ещё не было объяснения про две четверти. Ефим утром согнал людей к мельнице, вскрыл ларь у старого приказчика и обнаружил там отписку. Одна четверть по распоряжению Арсения отправлена в Мшанку, вторую отвесили мельнику в счёт прежнего помола. Считать надлежало двадцать три. Силин уже внёс поправку на её место, прежде чем позвать Федота. Алексей показал её женщине. Смотрела она на страницу ровно столько, сколько было нужно, чтобы он заметил: читать она не умеет.

— Объявим при нём и при дяде, — сказал он.

— Вам с утра дел много. Чего уж его ещё звать?

— Чтобы услышал, куда ушла рожь.

Она опустила рубаху на подоконник, свернула её поменьше. По голосу ещё вчера можно было понять, как боялась, но сейчас перед Алексеем стояла женщина, которая уже рассчитала все последствия спокойного утра. Если парень вспомнит про приглашение вечером и кому-нибудь лишнему расскажет, решат, что барин и дальше станет за одного вступаться при остальных. Она предпочла бы, чтобы дома тихо досеяли грядки и пока никто вслух не следил, кого из ребят у ворот сегодня позовут.

— Скажите при Ефиме, чтобы все знали, — попросила она наконец. — Мне он сам вечером перескажет.

Это было то, чего Алексей сперва не придумал. Мальчика поскорее возвращают в свой круг, а заслугу за его отпуск хозяин охотно пожелал бы оставить у себя при столе. Он отправился на двор, нашёл Ефима у телеги и произнёс при двух слушателях, что семена были отправлены по его собственному распоряжению и Федот ничего не недодал. Силин развернул страницу и назвал, куда делись оба мешка. Все двинулись обратно к своему делу так скоро, что Алексей не успел придумать, какие ещё слова понадобятся. В деревне женщина сама узнала о них раньше обеда.

К полудню Анисья подсунула ему записку с чужим почерком на конверте. Передала её Дарья Куликова, живущая у крайнего спуска. Письмо пришло из губернского города. Адрес сумел прочесть торговец, которому оно досталось с возом, и ещё сказал, что муж Дарьи пристроился на работу, а остальное будто бы можно узнать у барина. Муж ушёл с письменным дозволением прошлым летом. За ним осталось место у плетня, где он собирал тележную раму. Дарья давно просила брата разобрать её на топливо. Брат тянул до весны: хозяин должен был приехать до холодов, тогда сам и скажет. За зиму ничего не узнали.

Алексей мог бы прочитать письмо один в кабинете и послать пересказ через Матвея. Ему так знакомо было сознание, что у кого-то на руках лежит бумага с заключением врача или с результатом экзамена и он обязательно прочтёт её медленно, пока ты ждёшь за дверью. Дарью он попросил позвать сюда. Она явилась с девочкой лет восьми, у которой обмотка на левом башмаке висела концом. Алексей предложил стул. Дарья отказалась. Дочь присела на порог, взяла ремешок провести под подошвой.

— Можно прочитать при ней?

Дарья повернулась к дочери.

— Стеша, ступай глянь у Анисьи, где она сегодня муку толчёт. Смотри, там с пола не бери.

Девочка ушла, ремешок ещё долго бил по лестнице. Дарья развернула письмо, открыла ровный угол. Алексей заметил, что она прижимает перстом то место, где общая бумага была уже надорвана. Ей хотелось, чтобы письмо положили потом таким же, каким она его принесла.

Степан писал, что зиму прожил у мастера в обозной, остался должен за постой три рубля. В марте рука опять разболелась. К Пасхе денег за работу не выдали, хозяин взял отсрочку. Обещает осенью приехать или послать через Михайлу, если тот отправится к мельнику. О девочке одна строка: «Стешину ранку смотрите, сходите к Авдотье, как прежде». Внизу чужой рукой обозначено, что писали под диктовку.

Дарья попросила ещё раз про руку. Потом спросила, правда ли там слово «ранка». Алексей показал строку. Ей, похоже, нужно было признать в чернильных местах голос человека, который видел, как весной у дочки разболелась ступня. Ноготь Дарьи остановился на заглавной букве.

— Это её имя?

— Стеша. Видите, крупная, сбоку круглая. Если написать маленькой, вот так будет.

Он перевернул чистый лист и вывел букву. Дарья поднесла письмо к себе. Прежде ей даже не было ясно, где заканчивается фраза, за которой начинается следующая.

— А дальше сразу кто?

— Написано «ранку». Вот это слово.

Дарья узнала «р» у себя в имени, хотя раньше видела её только чужой рукой в расписке за полотно. Прежде чем сложить письмо, приложила к строчке чистый край листа. На листе букву он потом вырезал маленькой полоской. Дарья сунула полоску в сгиб и спрятала письмо за пазуху.

— Если пришлёт с деньгами, вы спросите, сколько было? — сказала она перед уходом.

— Если попросите, я прочту. С деньгами при людях лучше посчитать сразу.

— Вот считать я умею. Там в письме чего в середине не сказали, это я не услышу.

Алексей подумал о том, с какой лёгкостью можно было оставить человеку только половину чужих слов. Достаточно прочесть тише, торопиться на кухню, одним голосом произнести два разных имена. Он привык раздавать детям весь текст, в том числе места, которые ему самому мешают. Здесь стол и грамотность принадлежали ему, письмо принадлежало ей. Разницу было легко понять лишь пока она стояла рядом и ждала.

Федот появился к сумеркам. Принёс доску с бирками, попросил отнести обратно к амбару. В ответ на вопрос про утро он кивнул: слышал от Ефима и матери. Свою рубаху надел опять. Рукава у неё были ещё сырые, их подогнули, чтоб на ветру скорее высохли. Алексей отдал ему доску. Спросил, как удобно собраться, если он и ещё несколько человек захотят посидеть с ним над буквами. В рабочее время здесь никто на это не пойдёт, сказал Федот. В воскресенье каждому найдётся дело у себя. Если бы он мог сам дождаться, пока дядя ляжет, приходил бы после ужина, но дядя на старое запретит.

— Я тебя один раз спросил, — ответил Алексей. — Когда решишь, сам скажешь.

У Федота на пальце прилип маленький сухой стебелёк. Он снял его, хотел выбросить в сторону и удержал. Спросил, с чего начинают писать. Алексей показал на дощечке, как выглядит «Ф». Федот пригляделся и повторил форму пальцем там же, поверх пыли. Со стороны вышло, будто они вдвоём поправляют на бирке знак для амбара. Алексей не позвал его под лампу и не попросил переписать пять раз. Подождал, пока парень сам вторично пробежит по кругу, и тогда отпустил доску.

Глава 6

Новые правила

Силин привёз хозяйственную книгу к завтраку, вторую оставил запертой у себя. Первую надо было открыть при свете. Алексей сам придвинул к окну табурет и попросил развернуть всё, что относится к севу. Из-за занавески тянуло холодом. Матвей хотел её опустить, но управляющий загородил книгу локтем и продолжил читать.

Двадцать три четверти ржи — цифра, на которую утром наконец согласились оба счёта. В двух деревнях овса хватало до сева, в Гореловой Речке после зимы открылся рассохшийся ларь. На сухом месте стоял ящик с неотобранным зерном, а под ним выросла серая полоса: вода шла по стене от трубы, под которую кто-то с осени придвинул поленницу. На мосту у мельницы поддерживающая доска сырая сверху и чёрная снизу. Ефим Рябов за неё отвечать отказывался, потому что сам никогда не давал приказа пропускать туда тяжёлые возы. Запасные колёса стояли собранные, ступицы у одного повело. Антип выправит, если получит сухую ось. Алексей сперва записал себе шесть дел и вопрос о шести расходах, после понял, что две из записей описывают один и тот же воз.

— На починку моста подводы из Ключей уже работали? — спросил он.

— Три дня двое. Потом вы посылали их за дубом на другую сторону. До мельницы дуб так и не дошёл.

— И где теперь?

— При сарае. Велели положить под навес, а вечером оттуда пошли ваши жерди для конюшни.

Он мог только кивать. Когда писали планы на полугодие, его коллега любил дать каждой трудности свой листочек. Иногда оказывалось, что один и тот же человек записан на двух мероприятиях, из двух дверей ждут один класс, директор уже обещал зал третьему. Теперь вместо класса у него были возы, лошади, мужики и возчики, которые сами решали, кого раньше достать из полыньи. Стоило вычесть из листа одно распоряжение, стало видно, что весь мост они придумают ставить уже к началу полевых работ.

— Ефима позовите сюда и Антипа, — попросил Алексей. — Пусть скажут, в какие дни им вообще можно на мост. Без того, кто на нём работать будет, выдавать ещё один срок пустое дело.

Силин записал имена. Потом сам спросил, что с недостачей семян в Гореловой, сколько из хозяйского запаса отвести и на какой долг. Прошлый хозяин записывал столько же, но требовал вернуть первой же осенью с прибавкой, если зерно к лету успело побывать в муке. Крестьяне, бывало, занимали у соседа, чтобы в глаза управляющему вовсе не попадаться. У соседа условия вряд ли оказывались лучше. Иначе зачем он давал больше, чем может сдать сам.

Алексей спросил, хватит ли им шести мешков. Силин предложил прежде проверить, сколько дворов за ними явится. Это звучало настолько разумно, что Алексей сначала обиделся на свой вопрос. Потом попросил Силина оставить в книге страницу с назначением семян, выдавать по нужде и отмечать рядом возврат после урожая, столько же зерна, сколько взяли. Силин хотел знать, кто будет свидетельствовать. Вправе ли Ефим дать подпись за двоих, если один на поле?

— Пусть тот, кто получает, сам отметит, что получил. Если писать не умеет, прочтёте ему. Рядом сделает отметку. Поставите две, его и свою, и один лист останется при нём.

— Ему зачем? — спросил Силин.

— Чтобы к осени не помнить чужими словами.

Управляющий кивнул, хотя от края страницы палец у него пока не отошёл. Потом спросил, как ему быть, если лист потреплют за лето. Алексей ответил, что можно согнуть сухой бумажкой внутрь и отнести домой. На досочках у возов умеют сохранять зарубки. Силин

подержал карандаш над полем. Вопрос, который он задал вслед, был важнее. При дворе затраты на бумагу сами собой никому не велели считать. Если готовы покупать её столько, чтобы выдавать копии через осень, нужны деньги на неделю прежде первого счёта. Алексей попросил прикинуть цену. Ответ «возьмём у купца» теперь прозвучал у него в голове совсем иначе, чем в первый день.

К обеду Антип пришёл с тремя щепками. Положил на стол, объяснил, где у моста опора зажата камнем и где можно на неделю закрыть проезд, оставив ход пешим. Мельница от него в полверсты, возу длиннее надо ехать по основному гребню, зато весной он там не ляжет в воду. Ефим уже обошёл дворы, трое готовы приехать завтра до полудня, если им вычтут этот день из обычной работы. Двум дров не дать, самим коней кормить. Алексей посмотрел на Иванову запись и попросил показать, как вычет будет стоять в книге, чтобы через неделю не брать за тот же день.

Один колодезный лоток узнал у него Антип в руке. Хорошее дерево, сказал, его семья с весны хочет на подоконник. Алексей ни минуты прежде не думал, что будущее место каждого обломка уже кто-то видел у своей стены. Он спросил, не годится ли другая доска. Антип ответил, годится, но её по осени пустили под новый стол у садовника. Про тот стол у Алексея в списке ничего не было. Силин предложил убрать из сметы два новых тесовых листа, если они смогут перебрать старое крыльцо. Разговор длился дольше, чем нужна была одна подпись. Когда наконец Антип забрал свои щепки, Алексей заметил на одной отпечаток от чужого большого пальца в глине. По щепке, которую он ранним утром подержал у окна и отбросил как сор, другой человек всю ночь думал, где поведёт опору.

Вечером раздался громкий уличный разговор и два коротких удара колеса о ступень. Привезли мешки из резерва и один образец старого полотна. Митька тащил маленькую щепку, которую ему дали под лапоть. За печкой в кухне сидела Дарья, грела на ладони моток пряжи. Алексей услышал, как она спросила у Анисьи, прочтёт ли та букву, если её надписали сверху, а не с края. Анисья позвала Матвея. Через минуту буква была уже на муке, где стояли обе женщины, и держалась там, пока кто-то не потёр стол тряпкой.

Алексей забрал пустую чернильницу из своего кабинета. Силин пока оставался у стола, хотел закончить день после поставок. Алексей нашёл под полкой чистый край бумаги и выписал то, о чём спрашивали чаще всего: платёж за зерно, количество, число выдачи, подпись. Без поклона и без завитков. Показал Матвею, тот прочёл «выдано» медленно, на третьем слоге сразу быстрее. У него, оказывается, сохранилось немного грамоты ещё с городского двора, где он носил за учителем книги. После службы в доме от неё осталось чуть-чуть, простые слова и память о том, как внимательно он смотрел на буквы, когда в классе при всех ошибались другие.

— Если я позову вечером нескольких человек, где можем посидеть? — спросил Алексей.

Матвей взял чернильницу. В одном месте, сказал, у кухонного торца стояла сухая горница, прежде там штопали конское платье. Одно окно и печурка. Ящик, сколоченный под снаряжение, занимает полкомнаты. У них есть старая лавка. Надо спросить Антипа, сколько людей на неё можно посадить, прежде чем кто-нибудь снова начнёт строить мост под ними.

Силин прочёл новую короткую расписку, наклонил голову.

— На отписках теперь станут искать, что именно вы туда велели поставить.

— Пусть ищут, — сказал Алексей.

Он произнёс это без той уверенности, с которой утром позвал старосту считать рожь. Вернулся в кабинет, к первому листу. Там у него осталось свободное место после имени Федота. Вписал Дарью, затем остановился. Остальных ещё не знал. До завтрашнего вечера хватило бы места хотя бы для каждого, кто сам подойдёт к двери.

Часть вторая

Первые уроки

Глава 7

Странное распоряжение

Комната за кухней оказалась длиннее, чем говорил Матвей, и ниже, чем представлял себе Алексей. Когда сняли с ящика два ремня, к потолку взлетело столько пыли, что несколько минут оба кашляли, стоя у порога. Старую сбрую сложили в мешок. Из-под неё выпала железная застёжка с остатком синей материи. Матвей поднял её и с минуту разглядывал.

— У Антона Петровича на сюртуке такие были. Покойный брат ваш. Их в Москве покупали.

У Алексея, оказывается, был покойный брат. Он спросил, давно ли, и услышал, что с двенадцатого года. В ту зиму от Антона пришло ещё одно письмо, а потом выслали вещи. Застёжку Матвей завернул в тряпицу и положил на подоконник. Сказал, это он заберёт в другую комнату, где лежит коробка с письмами. Алексей посмотрел на чистый след на полу, оставшийся от большого ящика. Теперь тут можно поставить лавку. Люди, которым вчера он предлагал показывать слова и числа, поймут по одной этой вещи, действительно ли их собираются ждать.

У двери стоял Иван Силин. Принёс четыре листа простой бумаги, тонкий моток обёрточной и остаток чернил. Всё выложил по очереди на ящик, который они ещё не вынесли. На пол смотрел с тем же выражением, с каким врач знакомится с новым кабинетом, куда ему обещали поставить старое кресло.

— Сколько это у вас продлится? — спросил он.

— Сперва несколько вечеров. Кто захочет, придёт научиться читать, писать и считать.

Силин подвинул чернильницу, не дав ей покатиться у края.

— По ведомости приказать?

— По ведомости разве только столько бумаги прибавить, чтобы было на чём пробовать. С людьми сперва поговорю. По своей охоте пусть приходят.

— Ваши люди, Арсений Петрович, по своей охоте у вас и шапку с головы снимают.

Сказал он это привычно, почти без усмешки. Алексей едва не ответил тоном, каким на педсовете просил говорить серьёзно. Оглянулся. Матвей уже вышел за лавкой. В комнате остались человек, по праву рождения распоряжающийся чужими днями, и человек, который привык эти дни считать. Простая фраза «по желанию» здесь требовала, чтобы кто-нибудь ещё поверил, что ему позволено отказаться.

— Пусть кто не захочет, завтра под моей дверью тоже не появляется ради объяснений, — сказал Алексей. — С лечением и дровами потом спрашивайте как прежде.

Силин спросил, на что отписать бумагу, если завтра в книге её действительно должно стать меньше. Алексей взял из стопки верхний лист и предложил вести счёт на его личное, а чернила поделить, чтобы с учётной книгой ничего не случилось. Две строчки разговора дали управляющему то, за чем он пришёл. Но уходить он не спешил. Подождал, пока Матвей подаст тяжёлую лавку с улицы, и сам взялся за другой конец.

В полдень Алексей позвал тех, кто утром вернулся с мостовых работ. У сарая стояли Ефим, Антип, Федот и ещё несколько человек. За ними дожидалась с пустой корзиной Дарья Куликова. Её звать Алексей не успел: она шла за отданной на кухне меркой и остановилась послушать, про что сегодня собирают у ворот.

— Я хочу по вечерам у себя грамоте учить, — сказал он. — Кто захочет разобраться в письме, посчитать расход или написать своё имя, приходите в горницу возле кухни. Начнём, когда дела по двору закончатся.

— И мы там вам писать будем? — спросил Ефим.

— Писать сперва каждый для себя.

Один из мужиков у изгороди сначала улыбнулся, затем посмотрел на Федота. Неделю назад его вывели к амбару ждать слова хозяина. Теперь хозяин хотел, чтобы тот же парень

вдруг сел рядом с ним у бумаги. Алексей увидел, как трое посмотрели на его собственные руки. Перстень он с утра зачем-то оставил в пальцах. При каждом движении тяжёлая печатка ловила свет.

Антип стоял чуть в стороне. На руке повязку успел сменить, угол свежей полоски торчал из-под рукава. Спросил, мальчика одного придётся отпускать или можно с ним прийти.

— Приходите вместе.

— Я думал, вы таких, кто большой уже, с малыми сажать не будете.

— Если Митя знает какую-нибудь букву, которой ты не знаешь, пусть покажет.

Антип поискал взглядом сына. Митя, услышав имя, отвернулся к стойке, хотя опять успел нарисовать там углём хвост своего кота. Федот соскоблил носком землю со ступени. Наконец спросил, кто будет проверять, выучили ли. Алексей предложил ему сначала прийти с каким-нибудь своим делом. Например, понять, как на мешке написать, сколько его привезли и когда. Написал, прочёл, смог найти свой мешок. После можно разбираться дальше.

— Так мы и без писаного находим, — сказал Ефим.

— После того как я дважды ту самую телегу сосчитал, мне бы подучиться, — ответил Алексей.

В людях с края из-под шапки мелькнула улыбка. Сказывалась эта история с двумя мешками уже по деревне: сперва будто барин счёт потерял, потом будто сам отсыпал зерно и забыл. Какую из этих версий повторяли в соседнем дворе, Алексей пока не знал. Оттого и хотелось, чтобы тот, кто присутствовал, мог потом хотя бы прочесть одну сделанную при нём запись.

Дарья спросила:

— Если я письмо принесу, опять вы будете его читать?

— Если попросите. Можно сперва найти то слово, которое сами узнаете, и дальше с ним работать.

Она перекинула корзину из одной руки в другую. Попросила оставить дверь вечерами отворённой. Речь шла не только о свете. Сидя внутри, она хотела видеть, кто проходит, и не давать людям повода говорить, будто вызвали в барский дом и задержали за запертой дверью. Алексей согласился. Матвей предложил вставить крючок посередине, чтобы створка не стучала на ветру. Митя вышел из-за стойки и показал, где у них лежит такой крючок. В разговоре он участвовал теперь с гораздо большим желанием, чем возле доски с буквами.

После обеда Алексей попробовал в одиночестве разобрать старую азбуку, найденную на чёрном сундуке. Первая страница была завёрнута, от неё остался угол. Часть букв он и без труда узнавал, часть видел раньше только в названиях учебников. В учебном слове, которое он хотел выбрать для начала, оказалась такая графика, что ему самому пришлось попросить Матвея прочесть. Матвей прочёл, затем вспомнил, как учитель в детстве заставил его сперва до конца выучить имена букв. То время слуга пересказывал без зависти к тем, кого тогда действительно учили дальше. У него просто была привычка в ожидании у дверей оглядывать вывески, пока буквы не стали знакомыми.

— Прочтите мне «мука», — попросил Алексей, найдя в книге подходящее слово.

Матвей назвал все буквы по имени. Потом с лёгкой задержкой произнёс слово. Алексей записал на одной полоске букву, на другой слог, на третьей слово. Обвёл сухим куском угля пятно, где край бумаги собирался заломиться. Здесь ему впервые пригодилось то, что он в прошлой жизни делал почти одинаково каждый год: сперва решить, чего ученик сумеет добиться за одно занятие. Способ добраться до этого результата в чужой комнате придётся переделывать столько раз, сколько нужно.

Вечером Матвей приладил крючок к дверце. Впустил во двор последнюю телегу и ушёл ужинать. В новой горнице горела одна свеча. Алексей поставил возле неё листы с буквами, отодвинул чернильницу от пустого места для локтя. Долго просидел, пока на дворе темнело. С

улицы никто не пришёл. Ему было достаточно пройти через кухню и велеть Матвею привести Федота, чтобы завтра уже можно было отчитаться о первом уроке.

Улыбнувшись собственной готовности устроить отчёт в девятнадцатом веке, он задвинул ящик. Прошёл мимо отворённой двери, чтобы погасить изнутри. На пороге под крючком кто-то оставил маленькую гладкую дощечку. На ней белели три кривые угольные буквы. Первая похожа на «М». Вторая была дорисована совсем недавно: пыль ещё ложилась мягко. Алексей поставил дощечку к стене, чтобы завтра её было видно с улицы.

Глава 8

Первые ученики

На другой вечер первым вошёл Митя. Шёл за отцом так тихо, будто и в открытой комнате надо было подойти незамеченным. Антип оставил у двери столярный пояс. Мальчик сразу посмотрел в угол, где стояла дощечка.

— Моя.

— Видел, — ответил Алексей. — Ты сам написал?

— Первая сама. Остальные у меня ещё сцепились.

Он показал красным пальцем, где на конце третьей буквы уголь стёрся. Алексей подвинул свечу, положил на стол кусок отбитой штукатурки и чистую доску. Митя написал одну большую «М», красиво наклонил обе ноги. Антип всё ещё стоял у двери. Он приходил сюда писать и считал, что первым возьмётся за дело, но теперь не хотел оттирать сына.

Дарья пришла без Стеши и с письмом за пазухой. За ней Федот, от которого пахло сеном, а на сапоге между подошвой и верхом была забита соломина. Он долго думал, где сесть, и оказался вплотную у стены. У каждого теперь имелась удобная сторона, с которой на него можно было смотреть, пока он пишет. Дарья у окна поставила корзинку справа, чтобы закрыть руку. Федот сел так, что закрывал её сам собой. Митя держал доску поднятой, будто собирался показывать всем и ещё в кухню за дверью.

— У кого какое дело? — спросил Алексей.

— Приём записать, — сказал Федот.

— Имя её здесь понять, — Дарья расправила письмо.

Антип достал дощечку с двумя ставками за обод и ось. Просил выяснить, можно ли цену ставить так, чтобы сам мог узнать, куда возвращаться за деньгами. Алексей привык, что, сколько бы разных целей в классе ни называли, предмет и время у всех одни. Теперь ему всерьёз предложили четыре занятия на одну свечу.

Первое он начал с буквы. Придвинул к свету «М», назвал звук. За спиной Матвей тихо подсказал «мыслете». Митя выпрямился, тут же спросил, что именно ему теперь нужно мыслить. Дарья рассмеялась. Антип по привычке отнял у сына мелок, потом вернул. Алексей понял, что у каждого уже есть человек, который что-то про буквы говорил. Кого-то приучали только узнавать начало имени, кому-то запомнилось «аз» от церковного чтения, а Федот однажды видел, как соседний мальчик целый день выводил «буки», и с тех пор считал, что у надписи сложное название и чем оно длиннее, тем хуже.

Он встал у стола. Попросил сказать «Митя», потом начать имя и остановиться. Митя затянул первое «ми», подождал, когда выйдет что-то смешное, и произнёс отдельно согласный. Алексей приложил к букве лоскут с «И». Под свечой у лоскута вилась нитка. Сын Антипа подвинул их обе, потом смог соединить с «ТЯ», где Алексей чуть дольше помогал. Когда прочли имя, Митя показал на пальцах, куда вписать черту, чтобы не съехать. Антип назвал своё имя по тому же уговору. На первом звуке Митя дёрнулся подсказать, поймал отцовский взгляд и отстранился.

У Федота деревянная дощечка была гладкой, умел тереть её правильной стороной. Алексей предложил поставить на ней число мешков так, как он уже умеет. Парень начертил пять зарубок, потом пять напротив, отметил, где новый ряд. На листе он увидел пятёрку и в первый раз ничего не сказал. Алексей подал две старые пуговицы и попросил поставить рядом. Федот сдвинул их так близко, что они перекрыли цифру, потом отодвинул, увидел разницу. Оказалось, он знает и шестёрку, видел на чужой ставке за подвоз. Только часто путал, куда идёт хвост. На второй попытке сам попросил дать ему деревянную палочку, чтобы не вести мокрым пером по кривому краю.

Дарья держала письмо всё это время открытым на слове «Стешину». Посмотрела, как Алексей подвигает к Федоту две пуговицы, и спросила, есть ли у неё в письме ещё похожие буквы рядом. Он сказал, что есть, показал «Степан». На строчке после имени не осталось места для её пальца, пришлось поджать письмо другой рукой. Дарья с усилием прочла начало. Матвей хотел подсказать ей конец и вовремя откашлялся. Письмо разом стало длинным. Дарья стёрла с угла доски муку передником и прочертила «С». Первый поворот вышел почти круглый, переписывать она вслед за ним не смогла. Спросила, можно ли взять полоску с собой, дома рядом с оконцем тряпка будет держать ровнее. Алексей приготовил четыре, самую короткую отдал ей.

Когда до конца свечи осталось две пяди света, он взял чернильницу. Оказалось, письмо пером для большинства отдельное дело. Антип держал перо так, как держал шило. Если ведёт прямо, дырка получается хорошая, если нужен круг, бумага вся идёт вокруг руки. Алексей сперва хотел взять за кисть, как когда-то показывал ребёнку на секции, но жилка на ладони у Антипа натянулась. Он отодвинулся и дал другую бумагу. Попросил попробовать пальцами выше, дал ему перевернуть перо самим. Антип тут же нашёл место, куда стекла клякса, и срезал мокрый край своим ножом так аккуратно, что образовалось ещё пол-листка. Федот забрал его и второй раз начертил шестёрку до чернил, на светлом столе царапиной.

Из кухни внезапно позвали Дарью. Стеша у Матвея переминалась с ноги на ногу. За домом темнело. Пока застёгивали девочке башмак, Дарья спросила, будет ли завтра и в тот же час. Она не сможет долго сидеть, пока отцовская сестра не выздоровела. В другом углу Антип уговаривал Митю, завтра надо раньше на мост. Митя согласился идти на мост, про завтрашний урок спросил сам.

— Завтра можно и короче, — сказал Алексей. — Доски оставлю там, где нашли. На то, что вы хотите сделать, сразу сядем.

Каким-то образом на троих взрослых, одного ребёнка и Матвея ушло полтора листа, вся свеча и примерно два часа. Теперь Алексей понимал, отчего в горнице поутру необходимо прежде делать свет, чем чернила. После урока у него в руках оказались простые результаты. Митя наконец прочёл своё имя. Дарья узнала начало двух разных имён. Федот научился отличать пятёрку от шестёрки так, что не надо угадывать по хвосту. Антип вынес полоску, где впервые увидел своё «А» рядом с ценой. Стул под ним простоял без дела: дома он чаще работает стоя, при бумаге ничего менять не пожелал.

У двери Федот задержался. Положил на ящик обломок, которым чертил цифру.

— Долго так будет? — спросил он.

Алексей понял не сразу. Потом посмотрел на горелый воск. В мастерской один вечер могли посидеть из любопытства. Так же легко со стороны хозяина было увлечься и через неделю спросить, отчего никто не вошёл. Он сказал Федоту, что завтра придёт к горнице, пока светло, и сверит с ним числа из амбара. Сверять будет столько раз, сколько тот попросит. Парню, кажется, стало легче от точного времени, а не от долгого обещания.

После всех ушёл Матвей. Сохранил недогоревший кончик свечи в чашке, рядом с тремя пуговицами и обрезком с буквой. Алексей закрыл дверь и на миг остановился в темноте снаружи. Из соседней комнаты Митя попробовал произнести своё имя по слогам, перепутал один, услышал, как отец его поправил, и начал сначала. Теперь им обоим было с чем идти домой.

Глава 9

Не всё получается

На третий вечер Антип с Митей ушли к мосту. Дарья стирала у родственников и передала через Анисью, что дойдёт, когда унесёт бельё. Возле горницы сидела одна Стеша. Держала бумагу, на которой мать вчера поставила букву, и разглаживала её на колене. Она спросила, зачем дверь опять отворили: мама сказала, надо у крыльца подождать и пока не заходить.

Алексей дал ей дощечку. Пока девочка усаживалась, напомнил, как из двух частей получилось имя Мити. Она написала через всю доску «С», пониже вывела такую же, будто рисовала плечо и рукав. Дальше не хотела. Анисья поставила перед ними кружку и сказала, у неё была бабушкина поваренная тетрадь, но там каждое слово с чужого плеча начинается. Если читать у окна сверху вниз, всё время придётся держать книгу против света. Она попробовала у Алексея написать своё начало имени, обожглась свечой о ладонь и вернулась к печи. Стеша переписала одну букву точь-в-точь с того места, где Анисья успела начертить.

Дарья не пришла. Федот пробежал поздно, когда Алексей вынес доску из горницы на стол в кабинете. Его западину возле рта уже уставилось узнать, как объяснить несдержанное обещание.

— Дядя муку с подводы снимал, — сказал он. — Вы ведь сами велели, чтобы возчик при счёте был.

— Велел, после последнего дела приходить.

— Там ещё два осталось, я от дяди на минуту.

У Алексея заготовлен был лист с двумя рядами чисел. На первом он хотел снова собрать бочки по десяткам. На втором решить, кто какой подводе ответит. Ему привиделись два часа занятого вечера, который он по своей привычке уже считал часом школы, хотя здесь у парня каждый такой час был прежде всего работой.

— Если ты сказал, что придёшь, предупреди другого, — произнёс он почти тем тоном, с каким прежде встречал у дверей опоздавших. — Будем знать, сколько ставить света.

Федот кивнул. Встал прежде, чем сел.

— Предупрежу, — сказал он, и по голосу Алексей услышал ровную готовность исполнять. — Завтра с утра не приду до вашего слова.

Алексей хотел его удержать, даже протянул руку. Мальчишка оглянулся и на этот раз быстро вышел за дверь. Сказанное вышло внутри тишины совершенно похожим на распоряжение о сроке. А ведь именно Федот ещё вчера спросил, долго ли у них будет идти ученье.

Матвей убрал со стола вторую свечу, на которой обломок уже не держался. Поставил ящик, нашёл к нему плоскую крышку. Алексей придвинул на неё приготовленные листы. Пара листов чуть выгнулась, пока он держал их стоя. Когда перевернул крышку, увидел, что под ней два старых гвоздя. Бумага пробита тотчас в трёх местах. Горница опять была холодная, с осыпавшимся нижним углом окна. Если поднести стол ближе, свет из него можно брать дольше. Если поднести слишком высоко, у самого лёгкого падения горький результат из-за гвоздей. Так он однажды пытался объяснить, что подготовленная учителем схема заменит детям листы с линиями, пока класс не показал восемнадцать порванных страниц.

По улице до него дошли шаги. Это Антип пришёл за поясом. Митя с ним, лениво пинает сухой край доски. В школе к этому часу Алексей спрашивал бы, прочли ли они вчера своё слово. Сперва спросил, куда Антип теперь идёт. Ему надо проверить подпорку: утром на неё положат настил, а сегодня под растяжку капнуло воды. Без Мити уже пришлось бы возвращаться за стеклом от фонаря.

— Ты как решаешь, сколько у тебя вечером свободного времени? — спросил Алексей.

Антип замешкался, не сразу развернул голову.

— Пока светло, смотрю, что загнётся до утра. Потом у нас горшок простоит тёплым, пока сын за водой сходил. После горшка ему спать. Сегодня он мог у вас сидеть, если бы я сразу пришёл за поясом. Сам хотел, только на мосту доска под ногой ушла.

Митя слушал, придерживая фонарь за скобу. Когда отец дошёл до горшка, он помахал скобой из пальца в палец. Прибавил, что вчера ему дали написать букву до того, как дома увидели у него в руках дрова. До этого его на всю неделю могли каждый вечер послать сначала к колодцу, потом мелом чертить котёнка он уже не вспомнит. Алексей пододвинул мальчику чистую доску. Отложил мел в угол, показал, что завтра возле него будет стоять его имя целиком, а он сможет прочесть, когда пройдёт мимо. Митя схватился за это предложение. Попросил, чтобы имя у всех было на одинаковом месте, а то он опять станет первым искать.

На следующее утро Алексей догнал Федота на спуске. Парень на ходу привязывал к поясу концы двух тесёмок. Они никак не совпадали, пока он шёл, а когда остановился, горло его стянуло под вырезом рубахи от неловкого поворота головы.

— Мне надо было вчера самому у дяди узнать, сколько ещё возов, — сказал Алексей. — Ты ему нужен. Когда знаешь, что занят, можешь прямо так и сказать. Я своё дело уже решил, не успел вам толком сказать. Если придёшь к новому часу у двери, нас будет столько, сколько есть.

Федот поправил одну тесёмку и вынул из-под лавки свою запись. На ней появились знаки, которые взял с чужой бирки. У одной цифры хвост снова смотрел не в ту сторону. Алексей спросил, какую из двух записей он вчера делал первым. Федот вспомнил, что нарочно брал отличающуюся, потому и перепутал. Пришлось сесть на ступеньку. Вместе достали палочку, поставили два числа. Это заняло время, пока у ворот один человек нёс воду и второй подбирал брошенную доску. Потом Федот сам переписал нужное. Встал с такой быстротой, будто уже опаздывал, но успел положить прежний лист во внутренний карман. Доску предложил держать здесь, у окна, чтобы в другой день не искать.

Дарья пришла после обеда. Настояла, чтобы не пускали Стешу за ней в полутьму через двор. Если она будет задерживаться, можно при ребёнке показать доску с двумя буквами и отправить домой: пусть там глядят, пока хватает света. Да и разговор с письмом выйдет лучше, если они сядут не второй раз подряд на два часа, а по четверти, которую она может отнять у собственного дела. Говорила она довольно сердито. Алексей дождался, пока Дарья сама скажет, где лучше ставить короткое время. Спросил, чем писать дома. У неё был огрызок угля. Бумагу она уже измазала, зато на крышке сундука пробовала трижды. Алексей дал гладкую дощечку, не попросил беречь как ученическое пособие. Дарья её взяла, проверила на ладони и сказала, от этого дома будет кому спорить, чья первая очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.